

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316. 25

Концепция пространства мест в социальных науках*

А. О. Бороноев, В. Х. Тхакахов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Бороноев А. О., Тхакахов В. Х.* Концепция пространства мест в социальных науках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 1. С. 91–105. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108>

В статье рассматривается концепция пространства мест — теоретическая перспектива, сложившаяся в социальных и гуманитарных науках, в рамках которой анализируются феномен мест и социальные практики по его функционированию и воспроизводству. Цели представленного исследования: 1) раскрыть основные теоретико-методологические подходы к построению концепции пространства мест; 2) представить междисциплинарную концепцию описания и объяснения социальных основ пространства мест; 3) описать значимые социальные практики воспроизводства пространства мест и социокультурной интеграции. Показано, что ключевые подходы к изучению пространства мест представлены совершенно различными исследовательскими направлениями: неомарксизмом (А. Лефевр, М. Кастельс); феноменологией (А. Шютц, Г. Башляр); теориями мест памяти П. Нора и культурной памяти и идентичности А. Ассман; антропологией не-мест М. Оже; гуманистической географией (И-Фу Туан, Э. Рельф, Т. Крессвелл, Д. Симон). В статье выделяются социальные, интеллектуальные, онтологические и эпистемологические основания концепции пространства мест. В узком смысле объединяющий тезис корпуса идей данных научных стратегий концентрируется вокруг положения «место имеет значение». В широком смысле пространство мест — это одно из фундаментальных оснований жизненного мира индивидов и групп. Оно охватывает миры повседневного (воспринимаемое) и образно-символического (переживаемое). Эти жизненные миры включают пространственную практику и пространства репрезентации (в логике А. Лефевра). Им противостоит и навязывает свои модели и логику производства/потребления абстрактное пространство — доминирующая форма эпохи неолиберального капитализма. Отсюда возникает противоречие между двумя разно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-00742 «Феномен малой родины и его место в конструировании социально-культурных символов и ценностей гражданской идентичности».

видностями пространств, которое носит ценностный характер. Пространство мест — это исторически укорененная организация нашего общего опыта, это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью (в логике М.Кастельса). В статье подробно анализируется традиция феноменологии места; раскрывается связь между местом, памятью и идентичностью; определяется теоретический вклад гуманитарной географии в концепцию пространства мест.

Ключевые слова: пространство мест, Лефевр, абсолютное пространство, абстрактное пространство, Кастельс, феноменология места, родной дом, идентичность, география места.

Концепция пространства мест — это определенная совокупность взаимосвязанных и невзаимосвязанных, принадлежащих к различным социальным и гуманитарным дисциплинам научных подходов. Исследователей интересуют феномен места и социальные практики его производства, распределения, обмена и потребления. То общее, что их объединяет, упрощенно можно представить в виде одного лаконичного тезиса — место имеет значение. Материальное, символическое и функциональное. К выдвиганию, пониманию и обоснованию данного тезиса социологи, историки, антропологи, географы и философы шли своими путями, однако в конечном итоге можно определенно говорить о создании междисциплинарной концепции описания и объяснения пространства места.

Целесообразно обратить внимание на социальные и интеллектуальные основания концепции пространства мест. В первом случае речь идет о том, что человеческие общества издревле развивались и были «привязаны» к определенным местам. Эти места существовали и продолжают существовать как материальные пространства. В них создавалась «вторая» природа, та искусственная среда обитания и жизнедеятельности людей, которая на многие столетия стала определять жизнь обществ, сообществ и цивилизаций. Человек рождается в определенном месте, всю свою жизнь связан с одним или многими местами, здесь формируются его первичные связи, отправляется в свой последний путь он также в каком-то месте. Эти места являются физическими пространствами. Индивиды и группы в процессе длительного социально-исторического взаимодействия формируют социальную природу мест. Одновременно последние наделяются символическим смыслом, системой ценностей; они переживаются и воображаются. Параллельно складывалась и интеллектуальная традиция описания и осмысления данных мест — историками [школа «Анналов», П. Нора (P. Nora), А. Ассман (A. Assmann), М. де Серто (M. de Certeau)]; философами [М. Хайдеггер (M. Heidegger), Г. Башляр (G. Bachelard), И. Ильин]; географами [И-Фу Туан (Yi -Fu Tuan), Т. Крессвелл (T. Cresswell), Э. Рельф (Ed. Relph), Д. Симон (D. Seamon)]; антропологами [М. Оже (M. Auge)]; социологами [Ф. Тённис (F. Tonnies), П. Сорокин, А. Шютц (A. Schutz), А. Лефевр (H. Lefebvre), М. Кастельс (M. Castels), Д. Харви (D. Harvey), П. Бурдьё (P. Bourdieu), Й. Терборн (G. Therborn), Р. Флорида (R. Florida), Дж. Урри (J. Urry), Р. Ольденбург (R. Oldenburg)] и др.

В классической социологии можно обнаружить идеи — предтечи концепции пространства мест (хотя некоторые ученые находят корни традиции еще в Античности). Понятие места — одно из основополагающих в формальной социологии Ф. Тённиса. Рассматривая общественные формы человеческой жизнедеятельно-

сти как органические или же механические, он, как известно, использовал для их анализа два идеальных типа — понятия «общность» (Gemeinschaft) и «общество» (Gesellschaft). Для первой общественной формы, согласно немецкому социологу, характерна реальная и органическая жизнь, для второй — идеальная и механическая [1, с. 9–10]. Реальная и органическая жизнь индивидов порождает общность крови, общность места и общность духа. Данные базисные разновидности общности тесно взаимосвязаны и проявляются в пространстве и времени, в культуре и истории. Общность места выражается в совместном проживании (рядом с близкими, соседями) индивидов, в причастности к обжитой территории и почве. Ф. Тённис использует метафору «тело родства», которая отображается понятием «дом». При этом родственность материализуется и символизируется не только в доме как месте проживания и взаимодействия близких. Она может и не быть к нему привязанной непосредственно. И тогда эти связи родства, родственная воля и дух могут поддерживаться сами собой посредством работы памяти, «при какой угодно отдаленности сохраняя и вызывая в воображении ощущение близости к общности и соучастия в ее делах» [1, с. 26]. Таким образом, процессу воображения общности и ее сохранения в памяти живущих в одном времени и в будущем Ф. Тённис придавал реальное значение. Общность присутствует в представлениях и социальных практиках индивидов, в их ментальной и материальной жизни.

Роль и судьба места в социальной и духовной жизни индивида, общности и общества — неотъемлемая часть российской интеллектуальной традиции. О месте писали много и в различных аспектах: в философско-религиозных, филологических, социологических, художественных. Над проблемой места размышляли И. Ильин, П. Сорокин, Л. Толстой, В. Гиляровский, Б. Шергин, И. Соколов-Микитов, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, Д. Лихачёв и др. Дискурс места развивался в двух направлениях — в социокультурном (о месте как общем явлении и процессе) и в социально-экологическом (о конкретном месте). Наиболее многочисленный корпус текстов охватывает разнообразные нарративы, связанные с мемуарной литературой. Жанр мемуаристики — важнейший источник для биографического подхода, ориентированного на анализ жизненных историй индивидов (воспоминания о местах происхождения, о роли малой родины в процессе социализации, о социальной истории детства и юности).

И. Ильин, рассуждая о проблеме родины, выделял два ключевых аспекта в ее понимании: а) пространственно-территориальный и б) духовный (ментальный). «С самого начала ясно, — писал он, — что жизнь человечества на земле подчинена пространственно-территориальной необходимости: земля велика, и человечество разбросано по ее лицу. Оно не может и никогда не сможет победить эту пространственную разъединенность и управляться из единого мирового центра» [2, с. 216]. Без территории нет родины. Однако это, по мнению И. Ильина, не тождественные понятия. Сопринадлежность к территории — культурно-психологическое и философско-религиозное отношение, формируемое различными духовными практиками (религиозными, светскими, чувственно-эмоциональными). Обретение родины он связывал с духовным опытом и любовью [2, с. 227–228]. Отношение к родине как месту можно конструировать и на расстоянии — посредством воображения и чувств. И наоборот, находясь в родных местах, индивиды могут проявлять к ним индифферентное или же отрицательное отношение.

В современный период, особенно после «пространственного поворота» (spatial turn) в социальных науках, произошел некий раскол в отношении основных трактовок пространственных трансформаций в эпоху глобализации. Одна часть исследований сгруппировалась вокруг изучения различных аспектов пространства потоков, других обеспокоили судьба, функции и реальная роль пространства мест. В рамках настоящей статьи нас преимущественно интересует второй подход к исследованию пространства. Наиболее релевантный корпус идей в свете заявленной темы представлен, с нашей точки зрения, в:

- теории производства пространства А. Лефевра;
- общей концепции социального пространства П. Бурдьё;
- трудах теоретиков «пространства мест» (М. Кастельса, Й. Терборна, Р. Флориды, А. Ассман и др.);
- концепции «мест памяти» П. Нора;
- антропологии не-места М. Оже;
- рамках феноменологического подхода к анализу пространства мест (А. Шютц, Г. Башляр);
- гуманистической географии места и идентичности (И-Фу Туан, Э. Рельф, Т. Крессвелл, М. Бассин, Б. Хеллеланд и др.).

Не имея возможности в рамках настоящей статьи представить развернутый обзор и анализ заявленных подходов, кратко обозначим ряд ключевых идей, релевантных для нашего исследования.

А. Лефевр, развивая неомарксистский подход к исследованию социальных явлений и процессов, перевел пространственный дискурс из сферы абстрактных философских и естественно-научных размышлений, а также внутридисциплинарных методологических ограничений (географических, социологических, исторических [3, с. 7]) в иную предметную плоскость. Изучать, согласно французскому социологу, необходимо процесс производства пространства и те связи, отношения и способы, которые ему сопутствуют. Между тем ранее «пространство понималось как порожняя среда, содержащее, безразличное к содержимому, которое, однако, можно определить по некоторым негласным критериям: абсолютное, оптико-геометрическое, евклидово-декартово-ньютоново. Если наличие “разных пространств” и допускалось, то они объединялись в общий концепт с весьма расплывчатыми границами» [3, с. 7]. Для исследования процесса производства пространства А. Лефевр предлагает использовать триединую комбинацию понятий:

- 1) пространственная практика;
- 2) репрезентации пространства;
- 3) пространства репрезентации.

В совокупности они фиксируют **воспринимаемое, задуманное и переживаемое** пространство. Соответственно это миры повседневности, официально-профессиональный и образно-символический [3, с. 51–52]. Первое и третье понятия отражают городскую и иную поселенческую реальность в том виде, как ее производят и используют ее жители. Второе — очерчивает границы официально навязанного пространства (пространства ученых, планировщиков, урбанистов, технократов, художников). Их видение и их воплощенные практики предлагаются жителям

для потребления. Именно данное пространство господствует в обществе капитализма и неокapитализма. Это осмысляемое (зadуманное) пространство, которое интеллектуалами воплощается в знаковой и символической формах. При этом, как подчеркивает А. Лефевр, имеет место отождествление переживания и восприятия с задуманным. Пространство репрезентации, которое переживается через определенную совокупность образов и символов, — это пространство «жителей», «пользователей», а также тех, кто пытается его описывать (художников, писателей, философов). «Оно покрывает собой физическое пространство, используя его объекты в качестве символов» [3, с. 52].

Концептуальные разграничения, предлагаемые А. Лефевром, позволяют дифференцировать различные формы и режим функционирования подпространств, в которых воспроизводятся идентичность и память. Пространство жителей — это места сохранения коллективной памяти.

Релевантным в теории А. Лефевра является типология социального пространства, которое подразделяется на абсолютное и абстрактное. У абсолютного пространства есть своя колыбель, источник, породивший и питающий его. В первую очередь это «фрагмент пространства земледельческо-скотоводческого: совокупность локусов, поименованных и обработанных земледельцами, скотоводами-кочевниками или полукочевниками» [3, с. 230–231]. В основе своей это природное, «органическое» пространство. Оно — хранитель гражданского единства и различных связей между местными жителями. «Абсолютное пространство “переживается”, а не осмысляется; оно — скорее пространство репрезентации, нежели репрезентация пространства; когда его начинают осмыслять, оно постепенно утрачивает свою значимость и исчезает» [3, с. 232]. Абсолютное пространство существует и воспроизводится в любых типах поселений — сельских, городских, пригородных. У него есть социальная и культурная основа — это местные сообщества, различные первичные группы, соседства, практики социального взаимодействия, паттерны, идентичность и память, которые скрепляют поколения в пространстве мест.

Абстрактное пространство — это задуманное пространство, отрицающее различия: социально-демографические, временные, чувственные и сексуальные. Оно отрицает все, что ему предшествует, — историческое и религиозно-политическое. В идеальной схеме А. Лефевра абстрактное пространство представляет собой задуманное, осмысляемое пространство, репрезентацию пространства. Оно связано с господствующими производственными отношениями, доминирующим порядком, знаниями, знаками и кодами [3, с. 47]. Оно функционирует **негативно**. Для него характерны исчезновение деревьев, удаленность от природы; государственные и военные пустоты, распространенность торговых центров и ориентация на логику делания денег [3, с. 63]. В абстрактном пространстве доминируют богатство и власть, которые пытаются подчинить его себе. «Абстрактное пространство функционирует **позитивно** по отношению к своим импликациям — технике, прикладным наукам, знанию, связанному с властью. Более того, оно служит также местом, средой и орудием этой “позитивности”» [3, с. 64]. Абстрактное в обыденном смысле означает некую отстраненность от реальной, повседневной жизни, от того мира, который значим для обывателей. Оно находится в противоречии, а нередко и в состоянии конфликта с этим миром.

Одну из наиболее обстоятельных теорий социального пространства современного общества разработал М. Кастельс. Опираясь на обширные эмпирические исследования и теоретический анализ современной информационной эпохи, он утверждает, что в сетевом обществе господствующей пространственной формой является пространство потоков [4, с. 391]. Структурная логика данного общества в условиях глобализации обуславливает процесс движения от пространства мест к пространству потоков. Детально не углубляясь в широко известные характеристики последнего и имея в виду, что нас преимущественно интересует первая часть «категориального дуализма» М. Кастельса, обозначим ключевые моменты. «Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [4, с. 386]. При этом под потоками понимается определенная последовательность целенаправленных, повторяющихся, программируемых обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями социальных акторов в экономических, политических и символических структурах общества. Материальная форма поддержки пространства потоков состоит из трех основных слоев: 1) цепей электронных импульсов — частей новой технологической инфраструктуры сетевого общества; 2) узлов и коммуникационных центров — координаторов взаимодействия элементов, которые интегрированы в сеть; 3) пространственной организации доминирующих менеджерских элит [4, с. 386–391].

Пространственная логика современного общества разнообразна, так как выстраивается вокруг определенной совокупности интересов, функций и отношений. В сетевом обществе доминирует структурная логика пространства потоков, которая «не привязана» к месту(-ам). Однако само пространство в материальном отношении располагается в определенных местах. Наиболее показательна в этом смысле стратегия третьего слоя потоков. Согласно анализу М. Кастельса, логика элиты, которая космополитична, в отличие от народа, который локален [4, с. 389], пространственно воплощается в двух главных формах:

- в создании символически замкнутых общин;
- в конструировании «стиля жизни и дизайна пространственных форм, нацеленных на унификацию символического окружения элиты по всему миру. Исторически сложившаяся специфика каждой местности при этом вытесняется» [4, с. 390]. В итоге пространство потоков характеризуется своей абстрактностью, культурной неопределенностью потоков власти, свободой от культурных кодов конкретных обществ и ориентацией на глобальный охват человеческого опыта, отношений и культуры. Процесс делегализации, характерный для идеологии и практики пространства потоков, воплощается, например, в его доминирующей архитектуре. Это постмодернизм, «архитектура наготы». По сути дела, это «бегство от исторически укорененных обществ» [4, с. 392]. Однако пространство потоков не в состоянии подчинить все сферы, связанные с человеческим опытом. Господство, доминирование, символическое насилие, но не подчинение. По-прежнему «подавляющее большинство людей, как в развитых, так и в традиционных обществах, живут в конкретных местах и воспринимают свое пространство как пространство мест» [4, с. 394]. Последнее, по утверждению М. Кастельса, — это исторически укорененная организация нашего общего опыта.

Добавим, суммируя: пространство мест — это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью. Разнообразие языков, традиций, этничностей, культурной и социальной географии индивидов, групп и народов — все это формируется и воспроизводится в пространстве мест.

Ключевой реакцией на углубление противоречий между двумя пространствами является состояние и трансформация идентичности современных обществ. Релевантен в подходе М. Кастельса тезис о том, что отличительной социальной и политической характеристикой последних стало «построение социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности» [4, с. 43]. Таковыми, альтернативных господствующей сетевой (абстрактной) идентичности, две: а) идентичность сопротивления и б) проективная идентичность. Каждая из них пытается оппонировать засилью логики пространства потоков и утвердить символы и ценности пространства мест. Оппонирование происходит на уровне конструирования представлений и социальных практик воспроизводства локальной жизни. Идентичность сопротивления формируется и воспроизводится вокруг принадлежности к локальным символам и ценностям и организуется на базе различных движений и практик. М. Кастельс прямо указывает, что сетевое общество породило возврат к первичной исторической идентичности как единственному источнику смыслов, особенно на постсоветском пространстве [4, с. 45]. Проективная идентичность представлена большим разнообразием экологических, феминистских и близких к ним движений и мировоззрений, которые пытаются конструировать дискурсивно и в рамках воплощенных проектов альтернативный образ жизни и ценности. Что касается личной позиции М. Кастельса по восприятию сложившегося «дуализма» пространств, то складывается стойкое убеждение, что он все-таки на стороне ценностного мира «пространства мест» и его беспокоит процесс утраты этого мира.

Й. Терборн ставит под сомнение теорию глобальных / мировых городов, которая опирается на концепцию пространства потоков, и утверждает, что «как бы ученые ни описывали города, в первую очередь это именно места, оформленные как наполненные смыслами искусственные среды обитания, и именно как места их следует изучать» [5, с. 37]. Особое внимание шведский социолог уделяет городам, выполняющим столичные функции. Являясь центрами политической и символической власти, они продолжают репрезентировать локальность, национальную идентичность в эпоху глобализации. Короче говоря, они вынуждены интегрироваться в местные ценности, символы, осваивая и присваивая физическое и социальное пространства [5–7].

Р. Флорида, проводя специальные эмпирические исследования, связанные с выявлением влияния места на креативность, возраст, стиль жизни, счастье и благополучие индивидов, приходит к аналогичным выводам. «Несмотря на весь ажиотаж по поводу глобализации и “плоского мира”, — указывает он, — сегодня место еще более важно для мировой экономики, чем раньше» [8, с. 19]. Э. Гидденс подчеркивает, что, несмотря на углубление процессов глобализации, по-прежнему сохраняются чувства близкой привязанности к местам или идентификации себя с ними [9, с. 243].

По мнению А. Ассман, место непосредственно связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями и даже забвениями [10, с. 238, 246–248].

Индивидуальная и коллективная память сопрягается с определенным местом, которое уже может выступать источником реальной или воображаемой общности. «Люди запечатлевают собственные воспоминания не только в знаках и предметах — тем же целям может послужить определенное место: жилая комната, двор дома, площадь, город и ландшафт» [10, с. 236]. Формирование представлений о себе, в которые верит значимое большинство индивидов и групп сообщества, и закрепление данной веры в материальной и символической форме имеют два ключевых аспекта — функциональный и накопительный. Первый аспект коллективной культурной памяти сообщества направлен на обеспечение повторяемости символических практик (традиций, ритуалов), второй обеспечивает долговременность процесса посредством материальных репрезентаций [10, с. 59]. В формировании сообщества через память участвует целая совокупность способов и средств: визуальные образы, нарративы, места, мемориалы, ритуальные практики. «Культурная память, сберегаемая для будущего, — отмечает А. Ассман, — хранится не только в библиотеках, музеях и архивах — она привязана и к определенным топографическим координатам» [10, с. 237]. Особенность этой части культурной памяти — ее статичность, «ее нельзя перемещать; нужно самому совершить путешествие, чтобы соприкоснуться с ней» [10, с. 237]. Специфика мест определяет формы взаимодействия с ними: посещение / паломничество, воображение, воспоминание, мемориализация, виртуальные путешествия.

Для антрополога место не является нейтральным или же бессодержательным понятием. Антропологические места — это смыслообразующие места. Они «обладают как минимум тремя общими чертам. Они стремятся быть — люди стремятся сделать их — местами идентичности, отношений и истории» [11, с. 58]. Место является материальной и символической формой обустройства пространства. Оно разномасштабно и одновременно конкретно. «Родиться — значит родиться в определенном месте, быть связанным с конкретной землей. В этом смысле место рождения составляет основу индивидуальной идентичности...» [11, с. 59]. М. Оже противопоставляет места не-местам. Последние — это один из основных продуктов эпохи гипермодерна. Не-места (аэропорты, гипермаркеты, инфраструктура развлечений) — пространства, в которых господствует формальная рациональность, обезличенность, транзитивность. Это, по сути дела, составная часть пространства потоков. Это пространства, которые невозможно определить ни через идентичность, ни через связи, ни через историю [11, с. 84].

Важная часть концепции пространства мест — феноменологическая перспектива в интерпретации структуры релевантностей жизненного мира индивидов. Феноменология исходит из того, что смысловая структура повседневного мира опирается на ряд значимых, «якорных» точек ориентации в социальном пространстве. В первую очередь это родной дом. «Дом, — утверждал А. Шютц, — есть исходная точка, а также конечная цель. Это нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы ориентироваться в нем. Географически “дом” означает некоторую точку на поверхности земли. Там, где мне случается быть, находится мое “прибежище”; там, где я намерен остановиться, — мое “место проживания”; там, откуда я пришел и куда я хочу вернуться, — “мой дом”. Мой дом — это не просто место жительства (homestead), — мой дом, моя комната, мой сад, мой город, — но все, что он символизирует. Понятие “дом” имеет трудно передаваемый эмоцио-

нальный и символический характер. Для разных людей “дом” означает разное. Это, конечно, отчий дом и родной язык, семья, любимый человек, друзья; это любимый ландшафт, “песни, которым учила меня мать”, особая еда, знакомые предметы каждодневного пользования, народные обычаи и личные привычки — короче, специфический образ жизни, состоящий из маленьких и важных элементов, к которым относятся с любовью» [12, с. 209]. Как можно заметить, А. Шютц достаточно четко дифференцирует структуру понятия места: родные места отделяются от мест неродных. Последние — это места прибежищ, проживания — временного, постоянного. Их отличие от первых — отсутствие сопряжений, корреляций с пережитым прошлым (и в эмоциональном, и в символическом смысле). В логике М. Оже [11] это именно не-места, которые легко покидаешь, так как они преимущественно носят утилитарно-функциональный смысл. Это транзитные места, находящиеся за рамками интерсубъективного мира значений. Неродные места — места, в которых отсутствуют привычное родное окружение, сложившиеся практики взаимодействия среди своих, специфический образ жизни. Такие места память фиксирует фрагментарно, транзитивно. Неродные места — вынужденные места, куда мы отправляемся как на чужбину: на работу, на учебу, в эмиграцию, ссылку. При этом социальную значимость дома А. Шютц сопрягает с контекстом и пространством, отмечая, что «дом означает одно для человека, который никогда не покидал его, нечто другое для человека, который обитает далеко от него, и еще что-то третье для того, кто туда возвращается» [12, с. 209].

Родной дом — это родительский дом, дом предков, «гнездо» происхождения, социализации, один из фундаментальных источников первичных связей и коммуникации. Не случайно антиподом индивидов, у которых таковой отсутствует на категориальном уровне, являются «бездомные», хотя и у них могут быть воспоминания о доме, который они потеряли. Это категория социальной группы, имеющая отрицательную коннотацию, отождествляемая с нисходящей социальной мобильностью и всячески стигматизируемая. И, наоборот, наличие дома — признак социального успеха и воплощения (в ряде обществ) национальной мечты и идентичности. Однако феноменологию не убеждает такая откровенная вертикальная стратификация понятия дома, которая исключает из него все разнообразие ценностных и социальных различий. Феноменологический анализ тяготеет скорее к горизонтальным перспективам сравнений. Феноменолог, отмечал Г. Башляр, не должен заниматься описанием домов, их красот или обоснованием их удобства [13, с. 26]. Следует выйти за рамки описательности и «добраться до первичных качеств дома, через которые открывается как бы врожденное приятие первофункции обитания» [13, с. 26]. В структуре релевантностей, согласно феноменологии, значимо не само качество родного дома (его технологичность, комфортность, экологичность и т. п.), а его фактическое наличие как места рождения, детства, юности, семьи, общения с родными и близкими. С этой точки зрения феномен родного дома эгалитарен, т. е. он уравнивает разные классы и группы. Феноменолога интересует процесс укоренения в нашем жизненном мире, в нашем единственном «уголке» мира, каковым и является дом. Дом, согласно Г. Башляру, выступает привилегированным существом для феноменологического изучения сокровенных ценностей внутреннего пространства [14, с. 109]. Дом — это наш угол мира и наш первый мир, наше неподвижное детство как незапамятное [14, с. 110–111]. О нем мы вспоминаем, вообра-

жаем и мечтаем. Именно дом локализует значительную часть наших воспоминаний [13, с. 29].

Необходимо отметить, что в большинстве нарративов о родном доме под домом имеют в виду, как правило, именно отдельно стоящий, односемейный дом — «дедовский», «родительский», «отцовский», «материнский», собственный, но никак не квартиру в многоэтажном доме. Родной дом — это дом, стоящий в окружении себе подобных, на земле, в природном и культурном ландшафте своего отечества. Феноменологи отвергали практическую и символическую ценность жизни в домах-коробках. «Помещения квартиры, — писал Г. Башляр, — зажаты в тиски одноэтажности, тем самым упразднен один из фундаментальных принципов различения и классификации ценностей домашней жизни. Наряду с отсутствием ценностей вертикальности следует отметить и то, что в больших городах дома чужды космизму. Они утратили связь с природой» [13, с. 44]. Наверное, можно утверждать, что с того момента как индивидуальные односемейные дома в ряде обществ стали вытесняться квартирами, расположенными в многоэтажных комплексах, феноменология стала утрачивать и былой интерес к проблеме родного дома. Однако другие подходы по-прежнему считают дом «первым местом», наряду со «вторым местом» (работа) и «третьим местом» (публичные места) [15, с. 20].

Проблематика места — одно из ключевых направлений в социальной и культурной географии. Причем география места позиционируется в качестве источника локальной идентичности и культурно-исторического наследия народов [16; 17]. Географы обратили внимание ООН на релевантность сохранения символов географического разнообразия как составной части культурного ландшафта народов мира [17]. Общий ключевой тезис социальных и культурных географов: место — территория значений и смыслов [18–21]. Основные трансформации в понимании географии места стали происходить в результате «гуманитарного поворота» внутри географической науки. В гуманитарной географии (human geography) место определяется как один из наиболее фундаментальных концептов. Оно понимается и трактуется не просто как часть материального, физического пространства, но и как социальный конструкт, локальность, наделяемая определенными значениями. Место в гуманитарной географии концептуализируется в трех ключевых аспектах: 1) location (расположение); 2) locale (материальное окружение для социальных отношений); 3) sense of place — чувство места (субъективная и эмоциональная привязанность людей к месту) [21, р. 1–15; 22, р. 96–100]. Концепция «топофилии», приписываемая И-Фу Туану, ориентируется на изучение территории как объекта привязанности и любви человека, а также его связей с пространством на эмоциональном уровне [23, с. 67]. Основная тема «Топофилии» — изучение различных аспектов аффективной связи между людьми и местом [24]. Следует также подчеркнуть, что гуманитарное направление в географии изначально ориентировалось на междисциплинарный подход, пытаясь выйти за пределы традиционного понимания внутридисциплинарной матрицы. Отсюда активное вовлечение в исследовательское поле, например, ресурсов социологической науки (теорий пространства А. Лефевра, Д. Харви, П. Бурдьё), философии, особенно феноменологической.

В концепции пространства мест достаточно четко просматриваются два типа описания и объяснения — рациональное и чувственно-эмоциональное. Речь идет

о том, что понятие места можно не только осмыслять и понимать. Оно в немалой степени вызывает определенные аффекты — чувство места. Эмоциональное возбуждение (радость, печаль, переживание, волнение, ностальгия) — это то, с чем ассоциируется не только само слово «место», но и реальная встреча с местом — сакральным, мемориальным, рекреационным; родными местами / малой родиной. В данном контексте места рассматриваются с точки зрения перспектив психологии, философии и социологии как порождающие различные чувства и эмоции — индивидуальные и коллективные [25]. Последние — это переживания, совместно разделяемые группой. То, что Э. Дюркгейм определял как коллективное возбуждение. Место не просто фон, окружение, где происходит социальное взаимодействие. Оно, если можно так сказать, является независимой переменной. «Определенные места являются местами аффекта (places of affect) потому, что в них есть нечто, позволяющее социальное взаимодействие, они — места встречности» [26, с. 444]. Индивиды и группы стремятся в такие места. Типологически они могут быть совершенно разными и поэтому вызывать неодинаковые аффекты. Это и места для больных и лечения, для удовольствий и путешествий; места национального «аффекта», связанные с переживанием национальной идентичности [26]. Это могут быть места памяти [27; 28] и травматические места [10]. Особые места — это места, связанные с «малой родиной», вызывающие целый комплекс разнообразных чувств и эмоциональных переживаний.

Итак, суммируем основные идеи концепции «пространства мест», то общее, что объединяет различные подходы, представленные в социологии, истории, антропологии, философии и географии. Концепция пространства мест не является отвлеченной и умозрительной научной конструкцией. Она тесно связана с социальной и интеллектуальной практикой и традициями. Она, как можно было убедиться, представлена значимыми и признаваемыми в научном мире теориями и подходами. Место — одна из центральных категорий, которая в различных аспектах интересует историков, философов, социологов, географов и антропологов, изучающих социальные явления и процессы. Теоретико-методологические ресурсы концепции пространства мест опираются:

- на определенные онтологические (объективизм, конструктивизм) и эпистемологические (интерпретивизм) основания;
- социологический анализ пространства и жизненного мира в неомарксизме (А. Лефевр, Д. Харви, М. Кастельс), структуралистском конструктивизме (П. Бурдьё), феноменологии (А. Шютц, Г. Башляр), философии экзистенциализма (М. Хайдеггер), православной философии И. Ильина;
- идеи «мест памяти» П. Нора и теорию культурной памяти и идентичности А. Ассман;
- концепты топофилии и гуманитарного измерения географии места (И-Фу Туан, Э. Рельф, Т. Крессвел, Д. Симон, Б. Хеллеланд).

Пространство мест охватывает миры повседневности (воспринимаемое) и образно-символическое (переживаемое). Это жизненные миры, которые производятся и используются индивидами и группами в пространствах репрезентации и пространственных практиках. Все то, что А. Лефевр обозначает как абсолютное пространство. Последнему противостоит и навязывает свои модели и логику

производства / потребления абстрактное пространство (задуманное) — доминирующая форма эпохи неолиберального капитализма. Борьба жителей (городов и иных форм поселений) как пользователей за пространство мест осуществляется в категориях идентичности и коллективной памяти. Иными словами, образуется ценностный разрыв внутри общего социального пространства. Пространство мест — это исторически укорененная организация нашего общего опыта; это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью (М. Кастельс). Социальные движения как реакция на засилье пространства потоков воплощаются в конструировании идентичности сопротивления, ведущей борьбу за сохранение локальной жизни, символов и ценностей. Явные и скрытые конфликты между агентами пространства потоков и пространства мест — реальность современных глобализированных обществ. Города и внегородские поселения — площадки, где конфликты принимают материальную и символическую форму. Можно также обнаружить различный спектр конфликтов интересов и конфликтов ценностей.

С точки зрения феноменологии смысловая структура повседневного мира, охватывающая и пространство мест, опирается на ряд значимых оснований. В первую очередь это родной дом как исходная точка ориентации в нашем жизненном мире (А. Шютц). Он несет в себе определенные эмоции и символы, формируемые жизнью внутри первичных групп и процессом освоения местных культурных паттернов — материальных и духовных. Феноменология дома определяет родной дом в качестве первого мира, мира неподвижного детства, места локализации большинства человеческих воспоминаний (Г. Башляр).

Практически все подходы к анализу пространства мест акцентируют внимание на аффективной составляющей социальных практик взаимодействия между людьми и местами. Выработаны даже специальные понятия, отражающие данный аспект научной стратегии: «топофилия», «чувство места», «топоанализ», «места аффекта». При изучении социального воспроизводства различных сторон пространства мест особое значение в социальных науках стали придавать процессу воображения, работе памяти и идентичности.

Полагаем, что научные перспективы концепции пространства мест связаны:

- с возрождением интереса в мире к локальной идентичности — социальной и культурной; с ростом интереса к проблемам памяти, генеалогии, малой родины и «корням»; к социальным практикам релокации и субурбанизации;
- с практиками символического сопротивления логике абстрактного пространства, пытающегося деконструировать местные традиции, идентичность и ценности локальных сообществ. Различные социокультурные модели доказали возможность сочетания локального и глобального без одностороннего разрушения привычного. Соответственно концептуализация места — это не стратегия охранительства и ретроградства, а один из научных ресурсов обновления и создания альтернативы в дискурсе пространства;
- с ориентацией на междисциплинарность, которая существенно расширяет эпистемологические возможности научного описания и объяснения феномена места.

Литература

1. Тённис, Ф. (2002), *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*, пер. с нем., СПб.: Владимир Даль.
2. Ильин, И. (2004), *Основы христианской культуры*, СПб.: Шпиль.
3. Лефевр, А. (2015), *Производство пространства*, пер. с фр., М.: Strelka Press.
4. Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, пер. с англ., М.: ГУ ВШЭ.
5. Терборн, Й. (2013), Как понять города: современный кризис и идея городов без государства, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. XVI, № 1 (66), с. 20–40.
6. Therborn, G. (2017), *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*, London: Verso.
7. Вершинина, И. А. (2019), *Современные теории города: социологический анализ*, М.: Канон+РООИ «Реабилитация».
8. Флорида, Р. (2014), *Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства*, пер. с англ., М.: Strelka Press.
9. Гидденс, Э. (2011), *Последствия современности*, пер. с англ., М.: Праксис.
10. Ассман, А. (2018), *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, пер. с нем., М.: Новое литературное обозрение.
11. Оже, М. (2017), *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*, пер. с фр., М.: Новое литературное обозрение.
12. Шютц, А. (2003), *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*, пер. с англ., М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
13. Башляр, Г. (2004), *Избранное: поэтика пространства*, пер. с фр., М.: РОССПЭН.
14. Башляр, Г. (2002), Дом от погреба до чердака. Смысл жилища, *Логос. Журнал по философии и прагматике культуры*, № 3–4 (34), с. 109–134.
15. Ольденбург, Р. (2014), *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*, пер. с англ., М.: Новое литературное обозрение.
16. Бассин, М. (2003), К вопросу о географии национальной идентичности, в *Идентичность и география в постсоветской России: сборник научных статей*, СПб.: Геликон Плюс, с. 10–14.
17. Хеллеланд, Б. (2007), Социальная и культурная ценность географических названий, в *Руководство по национальной стандартизации географических названий. Группа экспертов ООН по географическим названиям*, на рус. яз., Нью-Йорк: ООН, с. 117–124.
18. Tuan, Yi-Fu (2001), *Space and Place: The Perspective of Experience*, Minnesota: University of Minnesota Press.
19. Relph, E. (2008), *Place and Placelessness*, London: Sage Publicationg Ltd.
20. Cresswell, T. (1996), *In Place/Out of Place: Geography, Ideology and Transgression*, Minnesota: University of Minnesota Press.
21. Cresswell, T. (2014), *Place: An Introduction*, 2nd ed., New York: Wiley Blackwell.
22. Foote, K. E. and Azaryahu, M. (2009), *Sense of Place*, *International Encyclopedia of Human Geography*, ed. by Kitchin, R. and Trift, N., Oxford: Elsevier, pp. 96–100. URL: <https://sciedirect.com/science/article/pii/B9780080449104009986> (дата обращения: 09.06.2020).
23. Митин, И. (2011), На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства, *Топос. Философско-культурологический журнал*, № 1, с. 62–73. URL: <https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/Topos-2011-1.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).
24. Tuan, Yi-Fu (1990), *Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*, New York: Columbia University Press.
25. *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology* (2014), ed. by Scheve, Ch. von and Salmela, M., Oxford: Oxford University Press.
26. Урри, Дж. (2012), *Мобильности*, пер. с англ., М.: Праксис.
27. Нора, П. (1999), Проблематика мест памяти, в *Франция — память*, пер. с фр., СПб.: Издательство СПбГУ, с. 17–50.
28. Нора, П. (2005), Всемирное торжество памяти, *Неприкосновенный запас*, № 2–3, с. 202–208.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2020 г.;
рекомендована в печать 29 декабря 2020 г.

Контактная информация:

Бороноев Асалхан Ользонович — д-р филос. наук, проф.; pavlova@mail.ru

Тхакахов Валерий Хазраилович — д-р соц. наук, проф.; atalik7@yandex.ru

Concept of space of places in social sciences*

A. O. Boronoev, V. Kh. Thakahov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Boronoev A. O., Thakahov V. Kh. Concept of space of places in social sciences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 1, pp. 91–105. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108> (In Russian)

The article examines the concept of space of places — a theoretical framework in social sciences and the humanities for analyzing phenomenon of places and social practices used to produce and reproduce it. The purpose of the presented research consists of the following: 1) to reveal the main theoretical and methodological approaches to the construction of the concept of space of places; 2) present an interdisciplinary concept for describing and explaining the social foundations of the space of places; 3) describe the significant social practices of the reproduction of the space of places and socio-cultural integration. The article shows that key approaches to studying space of places are represented by quite different research perspectives such as neo-Marxism (H. Lefebvre, M. Castells), phenomenology (A. Schutz, G. Bachelard), P. Nora's theory of places of memory and A. Assman's theory of cultural memory and identity, M. Augé's anthropology of non-places and humanist geography (Y.-F. Tuan, Ed. Relph, T. Cresswell, D. Seamon). The article discusses the social, intellectual, ontological and epistemological bases of the concept of space of places. In a narrow sense, the unifying thesis of the research strategies is centered around the assumption of the corpus of ideas built upon the assertion that place matters. Broadly defined, the space of places is one of the fundamental foundations of the living world of individuals and groups. Space of places includes the world of everyday life (the perceived) and the world of symbolic life (the experienced). These living worlds comprise spatial practice and spaces of representation (following Henri Lefebvre's logic). Abstract space, a prevailing form of the era of neo-liberal capitalism, opposes them and imposes its own models and production / consumption logics. Hence, a value-based contradiction between two kinds of space arises. Space of places is a historically grounded way of organizing our common experience. It is a world of meanings and cultural codes united by history and identity (following the logic of Manuel Castells). The article analyzes in detail the phenomenological tradition of place; the relationship between place, memory and identity; the theoretical contribution of humanist geography to the concept of space of places.

Keywords: space of places, Henri Lefebvre, absolute space, abstract space, Manuel Castells, phenomenology of place, home, place geography, identity.

References

1. Tönnies, F. (2002), *Commonality and society. Key concepts of pure sociology*, transl. from German, St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
2. Ilyin, I. (2004), *Foundations of Christian Culture*, St. Petersburg: Shpil' Publ. (In Russian)

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-011-00742 "The phenomenon of a small homeland and its place in the construction of socio-cultural symbols and values of civic identity").

3. Lefebvre, H. (2015), *The Production of Space*, transl. from French, Moscow: Strelka Press Publ. (In Russian)
4. Castells, M. (2000), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki Publ. (In Russian)
5. Therborn, G. (2013), End of a Paradigm: The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. XVI, no. 1, pp. 20–40. (In Russian)
6. Therborn, G. (2017), *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*, London: Verso.
7. Vershinina, I. A. (2019), *Today's theories of city. Sociological analysis*, Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiia" Publ.
8. Florida, R. (2014), *Who is your city? Creative economy and the choice of residence*, Moscow: Strelka Press Publ. (In Russian)
9. Giddens, A. (1990), *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
10. Assman, A. (2014), *The long shadow of the past: memory, culture and memory politics*, transl. from German, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
11. Augé, M. (2017), *Non-places: introduction to an anthropology of supermodernity*, transl. from fr., Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (in Russian)
12. Schutz, A. (2003), *Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*, Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ. (In Russian)
13. Bachelard, G. (2004), *Selected: the poetics of space*, transl. from French, Moscow: Rosspen Publ. (In Russian)
14. Bachelard, G. (2002), House from cellar to attic. Sense of home, *Logos*, no. 3/4 (34), pp. 109–134. (In Russian)
15. Oldenberg, R. (2014), *The Third Place: Cafes, Coffee Shops, Book stores, Bars, Beauty Parlors, and other hangouts as a foundation of society*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
16. Bassan, M. (2003), To the issue of geography of national identity, in *Identichnost' i geografiia v posts-ovetskoi Rossii: Sbornik nauchnykh statei*, St. Petersburg: Gelikon Plus Publ., pp. 10–14.
17. Helleland, B. (2006), The social and cultural values of geographical names, in *Manual for the National Standardization of Geographical Names. United Nations Group of Experts on Geographical Names*, New York, United Nations, pp. 117–124. Publ. (In Russian)
18. Tuan, Yi-Fu (2001), *Space and Place: The Perspective of Experience*, Minnesota: University of Minnesota Press.
19. Relph, E. (2008), *Place and Placelessness*, London: Sage Publicationg Ltd.
20. Cresswell, T. (1996), *In Place/Out of Place: Geography, Ideology and Transgression*, Minnesota: University of Minnesota Press.
21. Cresswell, T. (2014), *Place: An Introduction*, 2nd ed., New York: Wiley Blackwell.
22. Foote, K. E. and Azaryahu, M. (2009), *Sense of Place, International Encyclopedia of Human Geography*, ed. by Kitchin, R. and Trift, N., Oxford: Elsevier, pp. 96–100. Available at: <https://sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080449104009986> (accessed: 09.06.2020). (In Russian)
23. Mitin, I. (2011), On the way to imaginary geography: two turns, three spaces, *Topos (Filosofskokulturologicheskii zhurnal)*, no. 1, pp. 62–73. Available at: <https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/Topos-2011-1.pdf> (accessed: 08.06.2020). (In Russian)
24. Tuan, Yi-Fu (1990), *Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*, New York: Columbia University Press.
25. Scheve, Ch. von and Salmela, M. (eds) (2014), *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*, Oxford: Oxford University Press.
26. Urry, J. (2012), *Mobilities*, Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
27. Nora, P. (1999), Between Memory and History: Lesde memoire, in *Frantsiia — pamiat'*, St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Publ., pp. 17–50. (In Russian)
28. Nora, P. (2005), The Reasons for the Current Upsurge in Memory, *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2–3, pp. 202–208.

Received: June 24, 2020
Accepted: December 29, 2020

Authors' information:

Asalhan O. Boronoev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; pavlovasoc@mail.ru
Valeriy Kh. Thakahov — Dr. Sci. in Sociology, Professor; atalik7@yandex.ru